

ПРАВДА СТРАШНЕЕ ЛЮБЫХ ВРАГОВ

ПРОЕКТ «ВОЛК»

СЕКРЕТНО.
ОРУЖИЕ.
ЧЕЛОВЕК.
ЗВЕРЬ.

ОСОБАЯ
ПРОГРАММА

СОВЕРШЕННО
СЕКРЕТНО

СЕРГЕЙ АНДРЕЕВ

Сергей Андреев

Проект «Волк»

«Автор»

2026

Андреев С.

Проект «Волк» / С. Андреев — «Автор», 2026

Егор Камчатный привык выполнять приказы и не задавать вопросов. Но однажды его отправляют в закрытый объект, где предлагают принять участие в секретном эксперименте — «Проекте Волк». После процедуры Егор оказывается в группе особого назначения. Вместе с радистом Климовым, сапёром Руденко и майором Орловым он отправляется к заброшенному объекту Т-7. Там бойцы обнаруживают подземную лабораторию, следы неизвестных исследований и человека, которого нет ни в одном документе. Постепенно становится ясно: их миссия связана с тайной, способной изменить представление о войне и человеческой природе. Теперь Егору предстоит выбрать, кем он станет — оружием, свидетелем или человеком, готовым нарушить приказ. «Проект Волк» — первая книга серии «Секретный фронт», военно-приключенческий триллер о тайных операциях, экспериментах и цене свободы.

© Андреев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Глава 1. Предложение	6
Глава 2. Дорога	14
Глава 3. Объект	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Сергей Андреев

Проект «Волк»

Глава

Секретный фронт

Книга 1. Проект «Волк»

Роман

Глава 1. Предложение

Тяжёлая поступь кирзовых сапог разносилась по бетонному коридору.

Егор Камчатный лежал лицом к стене и делал вид, что спит.

За время в камере он научился различать людей по шагам. Молодые конвоиры ходили быстро, будто боялись задержаться возле дверей. Старшие шаркали подошвами. Начальство шло медленно — ему некуда было торопиться.

Сегодня шли трое.

Один прихрамывал. Двое других подстраивали шаг под него.

Егор открыл глаза.

Свет из коридора прорезал щель под дверью. Тень остановилась.

Замок повернулся.

В камеру вошёл майор в коричневой шинели. За дверью остались двое автоматчиков.

Майор посмотрел на часы.

— Я знаю, что ты не спишь, Камчатный.

Егор перевернулся на спину.

— Тогда зачем будите?

— Есть разговор.

— У меня сегодня гостей не было.

— Считай, повезло.

Егор сел на кровати и подтянул одну ногу к груди. Майор остался стоять.

Он был лет сорока, может, немного старше. Усталое лицо, коротко стриженные волосы. Ничего примечательного, кроме взгляда человека, который привык входить туда, где ему не рады.

— Сколько у тебя осталось по приговору? — спросил он.

— Достаточно, чтобы не считать.

— Можно выйти раньше.

Егор усмехнулся.

Майор не улыбнулся.

— Не шутите.

— Сейчас не время.

Егор посмотрел на автоматчиков за дверью.

— Тогда говорите.

Майор достал из внутреннего кармана сложенный лист, но разворачивать не стал.

— Набирают специальную группу для работы в тылу противника. Разведка. Диверсии.

Поиск людей и документов.

— Каких людей?

— Каких найдём.

— Где?

— Узнаешь позже.

Егор снова усмехнулся.

— Очень убедительно.

— Возвращение не гарантируется.

— А вот теперь похоже на правду.

Майор убрал лист обратно.

— Ты подходишь.

— Почему?

— Потому что умеешь ходить по лесу. Стрелять. Замечать то, что другие пропускают.

— Таких в армии тысячи.

— Были.

Егор перестал улыбаться.

— Что случилось с предыдущими?

Майор ответил не сразу.

— Первый погиб. Второй пропал.

— А я третий?

— Пока да.

Снаружи кто-то переступил с ноги на ногу. Ремень автомата тихо звякнул о пряжку.

Егор посмотрел на дверь.

— Если соглашусь, что получу?

— Выйдешь отсюда.

— Свободу?

— Не преувеличивай.

— Значит, другую камеру.

Майор пожал плечами.

— Возможно, с окнами.

Егор опустил взгляд на свои руки.

Они были худее, чем он помнил. На левом большом пальце белел старый шрам.

Когда-то эти руки держали карту, винтовку, чужого ребёнка.

Теперь — только кружку и край одеяла.

— Сколько времени подумать?

Майор снова посмотрел на часы.

— Десять секунд.

Егор поднял голову.

— Это не предложение.

— Осталось восемь.

— А если откажусь?

— Вернёшься к стене.

— И всё?

Майор посмотрел ему прямо в глаза.

— Для тебя — скорее всего.

Егор понял, что уточнять не нужно.

В армии он встречал людей, которые угрожали громко. Они обычно хотели, чтобы их боялись.

Этот говорил спокойно.

Таких следовало бояться сильнее.

— Пять секунд, — сказал майор.

Егор почувствовал знакомую злость.

Та же злость поднялась в нём на суде, когда прокурор читал показания людей, которых он никогда не видел. Та же — когда следователь объяснял, что правда не имеет значения, если документы уже подписаны.

Егор тогда спорил.

Потом перестал.

— Ладно, — сказал он. — Согласен.

Майор убрал часы.

— Молодец.

— Не называйте меня так.

— Почему?

— Обычно после этого от меня чего-то хотят.

На этот раз майор едва заметно улыбнулся.

— Завтра выезжаем.

Он повернулся к двери.

— Товарищ майор.

Майор остановился.

— Что?

— Вы так и не сказали, почему я.

— Сказал.

— Нет. Вы перечислили то, что написано в личном деле.

Майор посмотрел на него через плечо.

— А этого тебе пока достаточно.

Дверь закрылась.

Замок повернулся.

Шаги удалились.

Егор снова лёг лицом к стене.

Только теперь спать не хотелось.

Он смотрел на неровную штукатурку и думал, что человек быстро привыкает к отсутствию выбора. Сначала бьётся о стены. Потом считает дни. Потом перестаёт считать.

А потом однажды открывается дверь, и кто-то говорит: выбирай.

Только выбирать предлагают между двумя чужими решениями.

Он закрыл глаза.

Перед ним снова возникла деревня.

Снег. Обгоревшие крыши. Разбитый колодец.

Он возвращался с разведки, когда услышал плач.

Командир уже приказал отходить. Немцы были близко. Группа уходила через лес.

Егор остановился.

Плач повторился.

Из погреба.

Он вернулся один.

Девочка сидела между мешками с картошкой и держала деревянную игрушку. Лицо было чёрным от копоти. На левой руке кровь.

— Мама сказала не выходить, — сказала она.

— Правильно сказала.

— А вы кто?

Егор тогда не знал, что ответить.

Разведчик?

Солдат?

Человек, который только что нарушил приказ?

— Свой, — сказал он.

Девочка посмотрела на него очень серьёзно.

— Все так говорят.

Он запомнил эту фразу.

Через час он вывел её к своим.

Ещё через два узнал, что командир погиб.

А через неделю началось следствие.

Самовольное оставление позиции.

Исчезнувшее оружие.

Погибший старший по званию.

Чужие подписи.
Чужие показания.
Егор пытался объяснить.
Потом ему показали девочку.
Она лежала в госпитале.
Следователь положил перед ним бумагу.
— Подпишите — ребёнка отправят в тыл.
— А если нет?
— Тогда будем разбираться дальше.
Егор подписал.
Это было единственное признание, которое он считал своим преступлением.
Не нарушение приказа.
Не оружие.
Подпись.
После суда девочка исчезла.
В архиве госпиталя осталась строка о переводе без адреса.
Её звали Ниной.
За дверью камеры слышались шаги.
Егор открыл глаза.
Шаги остановились.
Но замок не повернулся.
Несколько секунд ничего не происходило.
Потом под дверью показался край бумаги.
Егор сел.
Лист медленно протолкнули внутрь и сразу убрали пальцы.
Он подошёл к двери.
— Эй.
Ответа не было.
Егор поднял бумагу.
Небольшой прямоугольник. Отрывок какого-то старого бланка.
На обороте карандашом было написано:
«Не доверяй тем, кто скажет, что зверя нет».
Егор перечитал дважды.
Потом подошёл к двери.
— Кто там?
Тишина.
Он опустил взгляд на записку.
Зверь.
Слово могло значить что угодно.
Человека.
Отряд.
Немцев.
Новую разработку.
Или просто способ напугать заключённого перед отправкой.
Последнее казалось самым разумным.
Именно поэтому Егор ему не поверил.
Он разорвал бумагу на мелкие куски, положил их в кружку и поджёг спичкой, которую прятал под металлическим ободком кровати.
Бумага почернела.

Последними исчезли слова:

«зверя нет».

* * *

Вечером майор вернулся.

На этот раз один.

Егор сидел на кровати.

— Уже передумал? — спросил майор.

— Да.

— И?

— Всё равно пойду.

— В этом есть разница.

— Между чем?

— Между заключённым и человеком.

Егор посмотрел на него.

— Какая?

Майор прислонился к стене.

— Заключённый уверен, что его ведут. Человек иногда думает, что идёт сам.

— Звучит не очень обнадеживающе.

— Я и не пытаюсь тебя обнадежить.

Егор помолчал.

— У меня есть вопрос.

— Один?

— Пока.

Майор ждал.

— В моём деле была девочка.

Лицо майора не изменилось.

Этого оказалось достаточно.

Егор поднялся.

— Вы знаете, о ком я.

— Возможно.

— Нина. Госпиталь. Сорок второй год.

— Знаю.

— Где она?

Майор отвёл взгляд на окно в двери.

— Зачем тебе?

Егор почувствовал, как внутри снова поднимается злость.

— Потому что я подписал бумагу ради неё.

— Это было твоё решение.

— Именно.

Майор некоторое время молчал.

Потом достал из внутреннего кармана небольшой конверт.

— Поэтому тебя и выбрали.

Егор не двинулся.

— Что?

— Ты нарушил приказ из-за ребёнка. Подписал признание из-за ребёнка. И до сих пор спрашиваешь о ней, хотя тебе самому предложили выйти из тюрьмы.

— Какое это имеет отношение к вашей группе?

— Прямое.

— Объясните.

— Нет.
Майор протянул конверт.
— Пока только это.
Егор взял его.
Внутри лежала фотография.
Женщина лет двадцати стояла возле деревянного дома. Тёмные волосы убраны назад.
Простое пальто. Руки в карманах.
Ничего необычного.
Пока Егор не посмотрел ей в глаза.
Он сразу узнал их.
— Нет.
— Что?
— Это не она.
— Почему?
— Нине было двенадцать.
— Когда ты видел её последний раз.
Егор перевернул фотографию.
На обороте стояла дата.
Он перечитал.
Потом ещё раз.
Дата была недавней.
— Откуда это?
— Из архива.
— Какого?
— Того, в который тебе пока не нужно заглядывать.
Егор поднял фотографию.
— Она жива?
Майор посмотрел на него без выражения.
— В деле записано, что умерла.
— Я спросил не это.
— Другого ответа у меня нет.
— Вы врётё.
— Возможно.
Егор шагнул ближе.
— Зачем показывать мне фотографию?
— Чтобы завтра ты сел в машину.
— Я и так согласился.
— Согласился выйти из тюрьмы. Это не одно и то же.
— Куда вы меня везёте?
— Туда, где тебе покажут остальное.
— Что остальное?
Майор посмотрел на снимок.
— Причину, по которой некоторые люди исчезают из документов раньше, чем из жизни.
Егор сжал фотографию, но вовремя остановился, чтобы не помять.
— Что с ней сделали?
— Не знаю.
— Кто знает?
— Возможно, она сама.
Егор поднял глаза.

— Я хочу её увидеть.
— Возможно, увидишь.
— Опять «возможно».
— Привыкай.
Майор направился к двери.
Егор окликнул:
— Что вы сделаете, если она действительно жива?
Майор остановился.
— Это не мой вопрос.
— А чей?
— Твой.
Он повернулся.
— Что ты сделаешь, если она жива?
Егор посмотрел на фотографию.
— Найду.
— А если она тебя не помнит?
— Напомню.
— А если не захочет вспоминать?
Егор ответил не сразу.
— Тогда оставлю её в покое.
Майор кивнул.
— Хороший ответ.
Он взялся за дверь.
— А если она уже не человек?
Егор поднял голову.
Несколько секунд они смотрели друг на друга.
— Тогда узнаю, что с ней сделали.
Майор вышел.
Замок закрылся.
Егор остался один.
Он сел на кровать и снова посмотрел на снимок.
Женщина была старше девочки, которую он вытащил из погреб.
Но глаза не изменились.
Егор вспомнил её слова:
«Все так говорят».
Свои.
Он перевернул фотографию.
На обороте, под датой, была едва заметная карандашная отметка.
Три короткие линии.
Егор провёл по ним пальцем.
Потом убрал фотографию под рубаху.
Спать он не лёг.
До рассвета оставалось несколько часов.
Он сидел на кровати и слушал тюрьму: кашель из дальней камеры, шаги часового, скрип труб, ветер за стеной.
Обычные звуки.
Никаких голосов.
Никаких зверей.
Перед самым утром Егор снова достал фотографию.

Если майор лгал, он хотел понять зачем.
Если говорил правду — тем более.
В коридоре слышались шаги.
На этот раз Егор не лёг лицом к стене.
Он встал.
Шаги остановились у его двери.
Повернулся ключ.
И впервые за всё время в этой камере Егор ждал, когда дверь откроется.

Глава 2. Дорога

Утром конвоир бросил на кровать одежду, не сказав ни слова. Брюки, гимнастерка, сапоги, шинель. Размер почти подошел. Егор оделся за несколько минут и вышел в коридор, где его уже ждали двое охранников.

Во дворе стоял черный ГАЗ-М1. За рулем сидел молодой солдат, а на заднем сиденье — тот же майор.

— Садись.

— А попрощаться?

— С кем?

Егор посмотрел на тюремные стены. Никого здесь не было, с кем хотелось бы попрощаться. Он сел в машину.

Они ехали молча. Майор держал папку на коленях и не открывал ее. Егор отмечал улицы, повороты, расстояние до ближайших постов. Привычка разведчика не исчезает даже в заключении.

— Думаешь сбежать? — спросил майор.

— Думаю, что вы слишком спокойно сидите рядом с человеком, которого считаете опасным.

— Ты опасен, когда понимаешь задачу. Пока ты понимаешь только дорогу.

На военном аэродроме Егор увидел транспортный самолет. Внутри пахло бензином, кожей и холодным металлом. Летели почти два часа. Он заснул, проснувшись только при снижении.

После посадки их пересадили в грузовик с брезентовым верхом. Дорога пошла через лес. Дождь превратил колею в вязкую кашу, ветви хлестали по бортам.

— Куда едем? — спросил Егор.

— Узнаешь.

— У вас все ответы такие короткие?

— Длинные ответы плохо переживают войну.

Ворота показались внезапно. За ними стоял старый каменный корпус, несколько деревянных бараков и вышки. Никаких опознавательных знаков. Только над воротами висела лампа в металлической клетке.

Майор вышел первым.

— Добро пожаловать на объект Т-7.

— Сюда обычно привозят заключенных?

— Иногда. Но не всех выпускают.

Внутри пахло хлоркой, мокрой одеждой и чем-то сладковатым, медицинским. Их встретила женщина в белом халате. На вид ей было около тридцати пяти. В руках она держала стеклянную пробирку.

— Доктор Мельникова, — представилась она. — Анна Сергеевна.

— Он выглядит хуже, чем в деле, — сказала она майору.

— В деле он был моложе.

— Все мы были.

Она посмотрела Егору прямо в глаза, и впервые за дорогу ему стало не по себе. В ее взгляде не было ни жалости, ни страха. Только профессиональное любопытство.

— Отведите его в приемную, — сказала Мельникова. — И предупредите охрану: если он спросит, где выход, это еще не значит, что он собирается бежать.

Уже на аэродроме Егор заметил, что майор получил распоряжение не на его фамилию, а на номер. В документах он был не человеком, а грузом с особым режимом перевозки. Это почему-то злило сильнее, чем конвой.

— Как долго вы собирали эту группу? — спросил он, когда самолет набрал высоту.

— Полгода.

— А меня нашли за один день.

— Тебя нашли раньше. Просто теперь понадобился.

Под крылом проплывали поля, реки и редкие деревни. Егор смотрел вниз и думал, что война одинаково легко стирает границы между фронтом и тылом. Человек может исчезнуть в лесу, в камере или в лаборатории. Разница только в том, кто первым закроет дверь.

У ворот объекта майор забрал у него часы.

— Зачем?

— Здесь время принадлежит нам.

— Тогда верните его, когда закончите.

— Если закончим.

Когда машина свернула к аэродрому, Егор увидел за стеклом двух мужчин в штатском. Один стоял у телефонного столба и курил, другой держал папку под мышкой. Они не смотрели прямо на машину, но Егор знал этот прием: следить, не выдавая наблюдения.

— У вас много сопровождающих, — сказал он.

— У тебя много врагов, — ответил майор.

— Я никого не просил меня спасать.

— Поэтому тебя и выбрали.

В самолете майор наконец открыл папку. Там были не только донесения, но и фотографии. На первой Егор увидел знакомый лесной перевал. На второй — собственную фамилию, написанную чужой рукой. На третьей стоял человек в белом халате рядом с прибором, похожим на радиопередатчик.

— Вы следили за мной до суда?

— За всеми, кто возвращался из того района.

— Какого района?

Майор закрыл папку.

— Ты сам знаешь.

Егор действительно знал. За месяц до своего ареста он вел группу через Уральские горы. Тогда они нашли в лесу старую каменную яму и следы босых ног на снегу. Один солдат утверждал, что слышал, как из-под земли зовут по имени. Через два дня этот солдат исчез.

Егор никогда не записывал тот случай. Но кто-то другой записал.

На объекте он понял, что тюрьма осталась позади только формально. Здесь не было решеток на окнах, однако каждая дверь открывалась снаружи, а каждый человек знал о нем больше, чем полагалось.

Пока самолет набирал высоту, майор разложил на коленях небольшую карту. На ней не было фронтовых линий, только рваные круги вокруг Урала и Сибири.

— Почему именно эти места? — спросил Егор.

— Здесь чаще всего исчезают люди.

— Люди исчезают везде.

— Здесь возвращаются.

Майор показал на одну из отметок. Рядом стояла дата 1921 года. На другой — 1938-й. Третья относилась к лету 1942 года.

— За двадцать лет — девять случаев, — сказал он. — Общего между ними почти ничего. Разные возраст, происхождение и занятия. Но у каждого перед исчезновением появлялся один и тот же симптом: человек начинал слышать шаги там, где никого не было.

Егор вспомнил собственную ночь в горах. Тогда он тоже слышал шаги. Командир сказал, что это ветер. Утром на снегу нашли следы босых ног, которые начинались у костра и уходили прямо в стену скалы.

— Вы были в моей группе? — спросил Егор.

— Нет.

— Тогда откуда знаете про горы?

Майор отвернулся к иллюминатору.

— Иногда люди оставляют следы не только на снегу.

Самолет вошел в облака. На несколько секунд кабину залил молочный свет. Егору показалось, что между рядами сидений стоит серый человек и смотрит на него. Он моргнул — место было пусто.

— Вы тоже его видели? — спросил майор.

— Кого?

— Ничего.

После этого они летели молча.

На запасном аэродроме их встретил капитан, которого майор называл только по имени — Петр. Он вел грузовик через лес и всю дорогу слушал радио без звука.

— Вы не из обычных частей, — сказал Петр.

— А ты из обычных?

— Я из тех, кто довозит и не спрашивает.

Петр знал дорогу к Т-7, хотя на карте она отсутствовала. Несколько раз он сворачивал на просеки, где не было следов машин. Егор заметил, что капитан всегда смотрит в зеркало перед поворотом, будто ожидает увидеть преследование.

— Вас здесь уже ловили? — спросил Егор.

Петр ответил не сразу.

— Однажды я привез сюда раненого. Уехал один.

— Что с ним стало?

— Не знаю.

— Почему вернулся?

— Потому что приказали.

Через несколько часов они остановились у старого моста. Под ним не было воды, только черная грязь и камни. На одном камне стоял волчий знак.

Петр перекрестился, заметив взгляд Егора.

— Не трогай.

— Ты тоже знаешь о проекте?

— Я знаю, что с этой дороги люди возвращаются не все.

— А кто возвращается?

Петр посмотрел на майора.

— Те, кто не должен был возвращаться.

Полет прерывался грозами. Самолет проваливался в воздушные ямы, и солдаты молча цеплялись за ремни. Майор оставался неподвижным, будто сидел не в самолете, а в своей комнате.

— Вы всегда такой спокойный? — спросил Егор.

— Нет. Только когда страшно.

— А что делаете, когда очень страшно?

— Проверяю оружие.

Майор достал пистолет, разобрал его и собрал с закрытыми глазами.

— Это помогает?

— Помогает помнить, что у страха есть детали.

Егор спросил о мальчике с фотографии. Майор сказал, что это был не сын и не брат, а один из первых добровольцев СИП. На снимке ему было двенадцать. В архиве стояла фамилия «Камчатный», но никто не знал, была ли она настоящей.

— Почему вы думаете, что он связан со мной?

— Не я думаю.

— Кто?

Майор указал на папку.

— Те, кто вели наблюдение.

На аэродроме их встретил человек в форме железнодорожника. Он передал майору конверт и ушел, не взглянув на Егора. Внутри лежал лист с одним предложением: «Носитель реагирует на прямую линию родства. Камчатный — возможный потомок». Ниже стояла подпись отца Егора.

Егор прочел строку дважды.

— Вы знали, что он оставлял записи?

— Знал.

— Почему не сказали?

— Ты бы отказался.

— Да.

— Вот поэтому.

Егор вернул бумагу. За время дороги он понял, что в СИП его выбирали не за силу и не за прошлые заслуги. Его выбирали за кровь, о которой он сам ничего не знал.

В грузовике капитан Петр достал из кабины термос и налил Егору чай.

— Я знал одного Камчатного, — сказал он.

— Многие знают.

— Он был в экспедиции на Урал.

Егор поставил кружку.

— Как его звали?

— Не знаю. Он сам представлялся только фамилией.

— Что с ним случилось?

Петр посмотрел на дорогу.

— Он вернулся без тени.

— Это метафора?

— Я не умею говорить метафорами.

Петр рассказал, что человек приехал на станцию зимой. На снегу за ним не было следов. Он попросил отправить телеграмму в Москву, но не смог назвать адресата. Через час исчез из закрытой комнаты ожидания.

— Вы видели это?

— Я закрыл дверь.

— И?

— С той стороны кто-то постучал.

Егор спросил, почему Петр продолжает возить людей к Т-7.

— Потому что если не я, будет другой.

— Это не оправдание.

— Нет. Это причина, почему я каждый раз надеюсь, что следующий груз окажется последним.

Майор слушал разговор, но не вмешивался. Егор понял: в СИП все умели оправдываться и никто не умел прощать себя.

На станции их пересадили в санитарный вагон. В одном из отсеков лежал солдат с перевязанной головой. Он не спал и смотрел в потолок.

— Вы тоже к проекту? — спросил он.

Майор приказал Егору пройти дальше, но солдат продолжил:

— Я слышал, как они разговаривают под землей.

— Кто?

— Те, кого еще не нашли.

Егор остановился.

— Как вас зовут?

— Номер двести одиннадцать.

— А настоящее имя?

Солдат посмотрел на него и прошептал имя, которое совпадало с фамилией на тюремной гильзе. Егор не успел переспросить: поезд дернулся, свет погас, а когда включился, койка была пуста.

На полу осталась мокрая полоса, уходившая под дверь.

Майор сказал, что солдат умер до посадки.

— Тогда кто с ним разговаривал?

— Ты.

Егор понял, что майор уже начал записывать его слова в невидимый отчет.

На аэродроме Егор потребовал вернуть его старую куртку. В кармане оставался кусок карты, который он вырвал во время последней разведки. Майор принес куртку, но карта исчезла.

— Вы обыскали меня?

— Да.

— Нашли что-нибудь?

— Тебя.

Егор промолчал. Иногда человек понимает, что его уже нашли, только когда вещи начинают исчезать раньше него.

Дорога на север заняла двое суток. ГАЗ-М1 шёл медленно, потому что бензин экономили, а шоссе несколько раз исчезало под снегом. За рулём сидел солдат по имени Павел, которому было не больше двадцати. Он не задавал вопросов, но каждый раз, когда машина останавливалась, проверял зеркала. Майор Белов всю дорогу молчал и читал старую карту. На ней были обозначены не только дороги и мосты, но и места, где за последние годы исчезали люди. Егор заметил, что отметки складываются в дугу вокруг Т-7. — Это не маршрут, — сказал он. — Это загон. Белов сложил карту. — Теперь ты видишь.

На ночёвку остановились в полуразрушенной почтовой станции. Там пахло углём и мокрой шерстью. Нина развела маленькую печку, а Егор вышел проверить двор. У забора он увидел свежие следы: два человека пришли с дороги, но обратно ушёл только один. Он позвал Белова. Майор присел, коснулся снега и сказал, что следы сделаны сапогами военного образца. — Наши? — спросил Егор. — Если бы наши, они бы заматали. Внутри станции Павел признался, что видел похожего человека утром на предыдущей остановке. Белов не стал ругать его за молчание. Только сказал, что молчание бывает полезным, пока не становится привычкой.

Утром им пришлось изменить маршрут. На мосту стояла машина без номеров, а рядом двое мужчин делали вид, что чинят колесо. Белов приказал не останавливаться. Павел послушался, хотя дорога была узкой. Один из мужчин поднял руку, и в этот момент Егор увидел на его рукаве серую нитку, пришитую крест-накрест. Такой же знак он заметил на фотографии Т-7. Они проехали мост и только через несколько километров остановились. Белов сказал, что теперь за ними идут. — Почему вы не предупредили? — спросил Егор. — Потому что человек, которого предупреждают слишком рано, начинает смотреть назад. А нам нужно, чтобы ты смотрел вперёд.

На второй день дороги Павел признался, что знает лес вокруг Т-7. Его отец работал на лесозаготовках и исчез в год, когда объект расширили. В семейном доме осталась только тетрадь с маршрутами, где вместо названий стояли номера деревьев. Павел показывал эти места на карте и говорил, что деревья помечали не для вырубки, а для наблюдения. Белов слушал молча. Нина спросила, почему Павел не сообщил раньше. — Потому что каждый, кто спрашивал про отца, потом переставал приезжать. Егор посмотрел на водителя и понял, что тот вёз их не только к объекту, но и к собственной незажившей обиде.

Перед мостом машина заглохла. Пока Павел чинил двигатель, Егор заметил на снегу маленький деревянный крест. Под ним лежала пустая гильза и обрывок почтовой марки. Белов сказал, что здесь раньше стоял пост связи. Павел узнал место и рассказал, что в детстве видел там людей в белых халатах. Они приезжали ночью и уезжали до рассвета. Один раз отец взял его с собой, но велел не смотреть в кузов. Егор не спросил, что Павел всё-таки увидел. В некоторых воспоминаниях молчание бывает не пробелом, а последней защитой.

Ночью в машине все спали по очереди. Егор сидел рядом с водителем и видел, как Павел каждый час проверяет один и тот же рычаг. — Что он делает? — спросила Нина. — Проверяет, что машина ещё наша, — ответил Павел. За окном мелькали деревья. Иногда среди них появлялись фигуры людей, но при следующем повороте становились столбами. Егор не стал говорить, что одна фигура помахала ему рукой.

Павел получил письмо на промежуточной станции. В нём не было подписи, но он сразу понял, от кого оно. Отец писал перед исчезновением, что лес помнит людей не по именам, а по маршрутам. Если Павел увидит три сосны, растущие треугольником, нужно свернуть с дороги и не искать объяснений. Павел показал лист Егору и попросил сохранить. Егор согласился, хотя не знал, сколько ещё чужих записок ему придётся нести.

Глава 3. Объект

Приемная оказалась комнатой с голыми стенами, столом и двумя стульями. На столе лежала папка с надписью: «Проект Волк». Егор не открывал ее десять минут.

— Боишься? — спросил майор.

— Боюсь того, что внутри, или того, что вы скажете?

— Второго.

Майор сел напротив и открыл папку.

— Подразделение называется СИП — служба исследований особых явлений. Существует с прошлого года. Формально его нет. Неофициально оно занимается тем, что невозможно объяснить обычными средствами, но можно использовать против врага.

— Сказки.

— Я тоже так думал.

На первом листе была фотография человека, снятого в лесу. Тело расплывалось, лицо почти не различалось. Рядом лежал солдатский сапог для масштаба.

— Сибирская тайга, январь, — продолжил майор. — Группа охотников пропала. Через неделю нашли их лагерь. Ни одного тела. Потом начались нападения на патрули. Погибло семнадцать человек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.